
УДК 93/94 «18»
ББК 63.3(2)521-69
Д 79

А.В. Дубровин,
*аспирант Адыгейского государственного университета, тел. 8-909-470-42-74,
E-mail: dubrovin-aleks@mail.ru*

«Образ врага» в воспоминаниях российских офицеров, участвовавших в Кавказской войне XIX в.

(Рецензирована)

Аннотация. В данной статье анализируется характер восприятия противника российскими офицерами, участвовавшими в Кавказской войне XIX в., по основным критериям: нравственному, религиозному и цивилизационному, а также эволюция воззрений и специфические особенности (романтизация противника, заимствования и «сроднение» с ним).

Ключевые слова: враг, образ, офицеры, горцы, критерии, романтизация, уважение, заимствование, «сроднение».

A.V. Dubrovin,
*Post-graduate student of Adyghe State University, ph. 8-909-470-42-74, E-mail:
dubrovin-aleks@mail.ru*

“An image of the enemy” in memoirs of Russian officers, participating in the Caucasian War of the 19th century

Abstract. In this work, an analysis is made of the character of perception of the enemy by the Russian officers participating in the Caucasian War of the 19th century. The basic criteria for this are moral, religious and civilizational, as well as the evolution of views and specific features (romanticizing the enemy, loans and becoming “related” with him).

Keywords: the enemy, an image, officers, mountaineers, criteria, a romanticizing, respect, loan, becoming related.

Одной из наиболее сложно разрешаемых проблем любой войны является выявление восприятия противоборствующими сторонами своего противника, формирующего уникальный «образ врага». Для Кавказской войны XIX в. данная проблема еще более усложняется не только существованием традиционных пропагандистских стереотипов, подменяющих истинное мнение участников событий, но и болезненностью самой проблемы, сосуществованием в одном государственном пространстве потомков двух противоборствующих сторон.

Термин «образ врага» является традиционным понятием, используемым исследователями для интерпретации многогранного и весьма неоднозначно-

го феномена восприятия противоборствующими сторонами противника.

Прежде чем приступить к анализу «образа врага», сложившегося у российских офицеров, участвовавших в Кавказской войне, следует отметить, что этот феномен представляет собой постоянно изменяющуюся систему. Обычно он формируется еще до непосредственного контакта с противником и является отражением общественного мнения и стереотипов и во многом создается благодаря целенаправленной пропаганде, проводимой посредством печатных органов, социальному заказу и строгой цензуре. Далее, по мере накопления личного опыта непосредственного контакта с противником происходит модификация представления

о нем в сторону прагматических соображений, необходимых для более эффективного выполнения поставленных задач, и главное — выживания. Причем у всех индивидов наблюдаются совершенно различные модификации, зависящие от личностных особенностей социализации. Так, у одних офицеров раннее сформированные стереотипы либо укрепляются, либо, наоборот, опровергаются и заменяются на другие, порой противоположные. В первую очередь это касается оценочных суждений, определяющих профессионально-боевые качества противника.

Стержневой осью «образа врага» является использование подсознательно-идентификационной системы «мы-они», где противник («враг») принимает радикальную форму категории «они» и превращается в «чужого», несущего угрозу. «Чужой» имеет целый ряд радикальных физиологических, языковых, мировоззренческих, религиозных, культурно-цивилизационных и иных отличий. В результате «чужой» дегуманизируется, он предстает как «ненастоящий» человек, на которого не распространяются законы и нормы своего общества. По сути, «образ врага» представляет собой совокупность различных стереотипов, формирующихся как посредством официальной пропаганды инициатора конфликта, общественным мнением, исторической памятью и стереотипами, так и личным опытом взаимодействия с противником. Традиционно «враг» воспринимается носителем негативных гипертрофированных качеств (приверженность к агрессии, жестокости и вероломству), при этом имеющиеся положительные качества приобретают субъективно-негативный смысл (например, безумная храбрость оценивается как фанатизм).

Так как человек является существом социальным, то особую значимость принимают социально-культурные критерии отличия, характерные для конкретных народов и эпох. Так, для российских офицеров, участвовавших в Кавказской войне, противниками являлись определенные представители независимых северокавказских народов.

Изучение различных документов и воспоминаний показало, что у российских офицеров, служащих на Кавказе во второй половине XVIII в., еще не существовало особых стереотипов восприятия враждебных горцев. Они воспринимались как типичные «дикие азиатцы», с которыми Россия соседствовала от крымских степей Северного Причерноморья до Тихого океана [1]. По мере активизации боевых действий в начале XIX в. у российских военных, помимо основного восприятия — угрозы мирному существованию российского населения на сопредельных территориях, а также угрозы иным государственным интересам со стороны кавказских горцев, формируются следующие, характерные для большинства войн, параметры причисления к «чужим»:

1. Нравственный критерий — врагу приписываются человеческие слабости — склонность к жестокости, хитрость, коварство, агрессивность, потребность в разбое и воровстве.

2. Религиозный критерий — враг, как представитель другой веры, представляется носителем «зла», а, следовательно, с аксиологической точки зрения победа над врагом рассматривается как сакральная победа «добра» над «злом».

3. Цивилизационный критерий — отличительные признаки врага осознаются через идеализацию своей культуры; враг рассматривается как «варвар» (т.е. некультурный человек) и оценивается как объект цивилизаторских, «исправляющих» усилий [2].

Эти критерии тесно переплетались между собой, а также имели ряд отличительных «кавказских» особенностей, уникальный контекст и степень значимости.

Сообразуясь с первым критерием, все горцы, включая мирных, казались «разбойниками». В сознании офицеров, как и во всем российском обществе, закрепилась мысль о том, что характерной чертой кавказских горцев была страсть к набегам, грабежу и убийствам, которую в XIX в.

стали называть особым термином «хищничество». Причины данной страсти сами офицеры видели в подстрекательстве Турции; скудности ресурсов; бедности горцев; их лени; этнопсихологических и культурных особенностей общества.

Весьма неоднозначно было проявление религиозного фактора. Враждебные горцы, в подавляющем большинстве исповедовавшие ислам, представлялись историческими противниками христиан. Подобное мнение получило широкое распространение среди наиболее вedomой части российской армии — простых солдат, считавших, что «вся Азия должна безвременно кресту поклониться!.. Об этом и в книгах писано...» [3]. Часть офицеров также признавала важность религиозного контекста войны. Так, весьма любопытен приказ батальонного командира майора Мызникова от 19 января 1844 г., согласно которому нижние чины во время битвы должны были кричать не «ура», а «Иисус»! Обосновывая приказ, он утверждал, что будто бы «ура» происходит от татарского слова «гяур», причем «татары и другие народы магометанского исповедания, бросаясь в сражениях на христиан, поносят нас криком своим: “гяур! гяур!”», т.е. собаки, собаки» [4]. Естественно, подобная нелепость была отменена [5]. Примечательно, что, согласно рассказам участников чеченских кампаний 90-х гг. XX в., некоторые солдаты и офицеры аналогичным образом в противовес исламскому лозунгу «Аллах Акбар» вместо «Ура» кричали «Иисус!».

В целом, несмотря на то, что все участники Кавказской войны были убеждены в том, что исламское течение мюридизм и связанный с ним «религиозный фанатизм» значительно усилили враждебность горцев по отношению к русским, следует признать, что для большинства российских офицеров, как представителей светского общества, в котором произошло обмирщение ценностей и интересов, в формировании «образа врага» религиозная мотивация не имела значительного влияния. Этому же спо-

собствовала относительно толерантная религиозная политика российского государства. Неоспорим факт, что среди российских офицеров на Кавказе было множество мусульман, имеющих равные права с офицерами других вероисповеданий [6]. Кроме того, всесторонне образованные офицеры неоднократно высказывались о том, что северокавказский ислам был ненастоящим, так как не смог до конца преодолеть язычество. В своих воспоминаниях генерал М.Я.Ольшевский, являвшийся одним из виднейших членов Русского Географического общества, истинный знаток Кавказа, на котором прослужил более 20 лет, оценивая мусульманское духовенство, утверждал, что «муллы не твердо знают Коран и толкуют его тексты вкривь и вкось; чаще всего по своему усмотрению или в свою пользу» [7].

Следует заметить, что первые два критерия были явными придатками третьего — цивилизационных отличий. В данном вопросе большинство российских офицеров сходилось во мнении, что горцы являются «варварами» и «дикарями». К такому выводу их подталкивало не столько общественное мнение, сколько непосредственное созерцание исполнения обычаев и традиций, не соответствующих российским нормам морали.

Нравы горцев, их традиционная система жизнедеятельности приводили к частым сравнениям с древними народами. Так, Г.И. Филиппсон проводит аналогию с Древней Грецией: «Воровство и разбой, как в древней Спарте, были у черкесов в чести; позорно было только быть пойманным в воровстве» [8]. Сравнение горцев (прежде всего, черкесов) с древними греками было очень распространенным явлением среди европейских путешественников XVIII-XIX вв., но у них оно связывалось с противоположной оценкой — идеализацией прошлого.

С отсутствием цивилизации офицеры связывали не только пороки горцев, но и их «добродетели»: неприятие какой-либо власти над собой (или свободолюбие) воспринима-

лось как первый признак «дикости», а обычай гостеприимства связывался с укрывательством беглецов-абреков. Хотя в последнем случае традиционное отношение горца к гостю-кунаку основывалось на двух непререкаемых принципах: во-первых, ради безопасности гостя хозяин был обязан жертвовать всем, вплоть до собственной жизни; во-вторых, гостеприимство распространялось на любого человека, в том числе и на преступника. Традиции горского гостеприимства вызывали недовольство российских властей, прежде всего, потому, что «немирные горцы» часто укрывались у тех, кто уже принял российское подданство.

В отношении кавказских горцев у российских офицеров действовал присутствующий для всех европейцев стереотип «лукавых азиатцев». Горцы очень часто не соблюдали своих клятв и обещаний. Очень многие солдаты, талантливые офицеры и даже командующие поплатились своими жизнями и свободой за легкомыслие и доверие к горцам. Гомборский в своих воспоминаниях описал типичный эпизод Кавказской войны. Во время очередной экспедиции вглубь территории враждебных горцев к двум офицерам, марширующим во главе российской колонны, приблизились два горца и завели с ними разговор. Офицеры, привыкшие к подобным встречам, спокойно продолжали ехать. Но как только один из них отвлекся, чтобы сделать папиросу, горцы тут же выстрелили в упор... [9].

Коварство «азиатцев» на Кавказе было сопряжено с ненадежностью «мирных» (покорившихся) горцев, чья судьба поставила между молотом и наковальней. Декабрист А.Е. Розен заметил: «В ермоловское время офицеры на Кавказе терпеть не могли мирных черкесов; они ненавидели их хуже враждебных, потому что они переходили и изменяли непрерывно, смотря по обстоятельствам...» [10].

Важной частью «образа врага» является восприятие военно-профессиональных и морально-боевых качеств противника. Традиционной для всех войн чертой «образа врага»

является пропаганда превосходства «своих» над «чужими», и главное — уничтожение врага. Это увеличивает самооценку воинов, их уверенность в своих силах. Кавказская война не стала исключением. Однако, личный опыт непосредственного взаимодействия с противником оказывал значительные корректировки данного воззрения. Так, с одной стороны, лицемерие слабости горцев в открытом бою, их панический страх перед артиллерией, отсутствие дисциплины и т.п. подтверждали и укрепляли в сознании российских офицеров правомерность уничтожения горцев. Так, батальонный командир Тенгинского полка А.А.Бестужев считал, что «русское «ура» — слишком много чести для подобного неприятеля: кричать «ура» следует в самую крайнюю, критическую минуту, когда, например, в регулярном бою строй встречается с строем на штыках, и грудь с грудью, а что для этих оборванцев не стоит его и тратить» [11].

Более того, подобное отношение находило отражение в соответствующих приказах. В 1810 г. командующий кавказскими войсками генерал Ф.О.Пауллуччи издал приказ, в котором говорилось: «Все военнослужащие должны ведать, что лучше умереть со славою, нежели жить с бесславием, и для того они, хотя бы то жизни их стоило, не должны были ни одного шагу уступить неприятелю, невзирая ни на какое его превосходство. За сим предваряю я, что из офицеров всяк тот, кто даст над собою верх неприятелю, предан будет военному суду и с бесчестием выгнан будет из службы» [12].

Уничтожению горцев, как ни парадоксально, способствовала оказываемая ими упорная и весьма успешная партизанская борьба, их мужество, отчаяние и великолепное воинское мастерство. Причина тому — психологическая компенсация за самонадеянность и бессилие в борьбе с недооцененным противником. А.С. Пшишкевич с грустью замечал: «Война наша была превращена в оборонительную против такого неприятеля, которого

у [царского] двора не уважали, хотя, впрочем, он дрался храбрее турок» [13].

С другой стороны, российские офицеры и, в первую очередь, «старые кавказцы» (так называли российских офицеров-ветеранов Кавказской войны) старались трезво оценивать поведение противника и не поддаваться поверхностным суждениям. Ведь, как и для всех непосредственных участников боевых действий, им крайне важно было иметь как можно более объективное мнение о своем противнике. В конечном счете, упорство и доблесть горцев заставили офицеров признать в них достойного противника — их даже стали считать самыми лучшими воинами среди «азиатцев».

Переосмыслению подвергались в том числе некоторые цивилизационные стереотипы. Кавказские офицеры постепенно привыкали к чуждой им «дикости» горцев, понимая, что она является естественной особенностью их традиций и нравов. Генерал М.Я. Ольшевский высказывает весьма нетривиальное для российской обществу признание: «Чеченцев, как своих врагов, мы старались всеми мерами унижать и даже их достоинства обращать в недостатки. Мы их считали народом до крайности непостоянным, легковерным, коварным и вероломным потому, что они не хотели исполнять наших требований, не сообразных с их понятиями, нравами, обычаями и образом жизни. Мы их так порочили потому только, что они не хотели плясать под нашу дудку, звуки которой были для них слишком жестки и оглушительны...» [14].

По мере появления уважения к своему противнику начинает складываться уважительное отношение к горцам. Специфической особенностью «образа врага» у российских офицеров на Кавказе являлось существование романтизированного восприятия горцев. Наибольшее распространение оно получило в 20-30-е гг. XIX в. среди молодых офицеров, носителей либеральных идей (в первую очередь,

офицеров-декабристов). Причина тому — сильное влияние поэзии кавказских офицеров и поэтов-очевидцев (М.Ю. Лермонтова, А.А. Бестужева-Марлинского, А.С. Пушкина и др.), а также тоталитарный режим самодержавной монархии, в которой существовало несправедливое сословное устройство общества. В таких условиях в сознании многих офицеров Кавказ рисовался иным миром, населенным вольными, храбрыми и гордыми горцами, свободными от европейских условностей и несправедливости.

А.А. Бестужев-Марлинский в письме своему другу К.А. Полевому так охарактеризовал горцев: «Вообразите, что они стоят под картечью и кидаются в пашки на пешую цепь, прелесть что за народ! Надо самому презирать опасность во всех видах, чтоб оценить это мужество... Они достойные враги, и я долгом считаю не уступать им ни в чем. У меня даже в числе их есть знакомцы, которые не стреляют ни в кого, кроме меня, выехав поодаль; это роль поединка без условий. Быстрота их движений и их коней невообразима» [15]. Встречи с жестокостью войны не всегда могли уничтожить подобное отношение. У многих романтиков наблюдалась лишь модификация абсолютной идеализации противника в более умеренные чувства уважения и симпатии. Однако в большинстве случаев жестокая реальность войны, а также параллельное возрастное остывание юношеского романтизма разрушали любые идеализированные модификации «образа врага». Восхищение горцами стало уступать место практическим соображениям, которые теперь превращались в «разбойников», а им, хоть и благородным, не должно быть места в Российской империи.

Повсеместное появление профессионального уважения к своему противнику при совокупности с общечеловеческим любопытством традиционно приводит к складыванию товарищеских и даже дружеских взаимоотношений. На Кавказе развитию подобных отношений способствовали местные обычаи

гостеприимства. Большинство офицеров достаточно быстро восприняло кавказский обычай куначества, постепенно они обзаводились друзьями-кунаками в соседних горских обществах, в том числе враждебных. После возвращения из похода за Кубань командир Тенгинского полка В.А.Кашутин «приказал запрячь полковые экипажи и ротные повозки и захватить с собой изрядное количество бутылок портеру, со всеми офицерами помчался в гости к старому своему кунаку Пшекуй-Мауковому, аул которого расположен был по рукаву Кубани, верстах в 30-ти от Азовского моря. Прием хлебосольным хозяином был оказан самый радушный: конские скачки, катанье по реке, охота за кабанями чередовались между собой и, конечно, по исконному кавказскому обычаю сопровождалась обильными возлияниями. Не успели оглянуться, как пролетела неделя, нужно было собираться в обратный путь и приниматься за дело» [16].

Более того, в источниках указывается, что некоторые горцы помогали знакомым российским офицерам совершать набеги на своих соплеменников [17]. Конечно, подобные эпизоды на Кавказе были чаще связаны с тем, что сами горцы враждовали между собой и использовали русские отряды для решения своих проблем.

Понимая сложность и опасность положения сотрудничавших с ними горцев, офицеры прощали многие их «вредительства». Граф К.К.Бенкендорф с удивлением слушал, как чеченский лазутчик, наивно, не сдерживая смеха рассказывал ему, как трижды пытался застрелить его [18]. Горцев даже защищали. Так, когда немецкий путешественник, некогда бывший в черкесском плену, находясь на балу в Пятигорске, узнал своего пленителя и потребовал его задержания, то ему объяснили: «князь является личным гостем генерала Н.Н.Раевского (начальника Черноморской береговой линии), который несет ответственность за его безопасность, и поскольку это — вопрос чести, то какое бы преступление этот человек ни совер-

шил, ни один волосок не упадет с его головы, покуда он находится в Пятигорске» [19].

Но, пожалуй, самым примечательным является проявление искренне дружественных взаимоотношений, основанных на взаимоуважении между противоборствующими сторонами во время боя. Так, в источниках описываются случаи, когда в разгар битвы противники узнавали лиц, с которыми ранее имели тесные контакты или оказывали важные услуги в трудных ситуациях (например, помогали излечиться). В таких случаях нередко вместо выстрелов обменивались рукопожатиями и дружескими беседами [20].

Одним из самых уникальных явлений, связанных с эволюцией «образа врага», стали массовые разносторонние заимствования у горцев. В истории европейских армий, включая российскую, вряд ли найдется пример перенятия у цивилизационно менее развитого противника особенностей мировоззрения и стиля жизнедеятельности. «Кавказцы» заимствовали у горцев очень многое: обычаи, некоторые слова, повседневную одежду, оружие, методы ведения войны. Практика заимствования объяснялась целым рядом объективных причин: быт и нравы горцев были более приспособлены к местным условиям, особенно при ведении перманентной войны, где горское оружие, снаряжение, приемы ведения войны имели превосходство над российскими аналогами.

В отношении офицерского состава к естественному процессу адаптации прибавлялась страсть к экзотике, любопытство и стремление выделиться. Горские традиции независимости, свободолюбия и личного удалства подходили для этого как нельзя лучше. Поэтому подражание горцам называли не иначе как «татароманией». Наглядное подтверждение тому — наблюдение В.А.Полторацкого, который в своих воспоминаниях описывает своего сослуживца, имеющего страсть «играть первую роль руководи-

теля, проповедника». Сообразив, что одною блистательною храбростью перецеголять всех в Куринском полку невозможно или слишком трудно, он бросился в «татароманию», то есть «свел куначество с мирными чеченцами, перенял от них одежду, посадку на коне, джигитовку и все прочие приемы...» [21].

Кавказское командование, понимая выгоду многих заимствований, смотрело на все это сквозь пальцы и даже стремилось закрепить их на законодательном уровне. Центральные же власти, напротив, ужасались при виде подобной «децивилизации» кавказских войск, и в особенности ее элиты — офицеров, и всячески препятствовали данной практике. Наибольшее негодование петербургской аристократии вызывали заимствования в методах ведения войны (набеговая система совершения экспедиций, взятие аманатов (заложников), практика ведения боев за павших, трофеи в виде вражеских голов и т.п.).

Уникальной особенностью «образа врага» у российских офицеров, участвовавших в Кавказской войне, является «сроднение» со своим противником. Оно стало следствием длительного противоборства с привыканием к войне и ко всему, что с ней связано. Сначала солдаты, а затем и офицеры стали называть своего главного врага «Шамилем Ивановичем». Прибавление русско-

го отчества является распространенным явлением, когда иностранца начинали считать «своим». К.К.Бенкендорф в своих воспоминаниях, описывая вражду между апшеронцами и куринцами (представители Апшеронского и Куринского пехотных полков), привел случай во время драки на базаре, разразившейся между апшеронцами и чеченцами, когда куринцы пришли на помощь именно к последним, добавив: «Как нам не защищать чеченцев, они наши братья, вот уже 20 лет как мы с ними деремся!..» [22].

Проведенный анализ продемонстрировал противоречивость характера восприятия российскими офицерами, участвовавшими в Кавказской войне, своего противника — представителей независимых северокавказских народов. Имея три основных критерия отличий от «своих» — нравственные, религиозные и цивилизационные различия, «образ враг» не сводился к традиционному уничтожению противника. По мере усиления контактов с противником наблюдалась коррекция ранее сложившихся стереотипов восприятия. У большинства офицеров происходило значительное увеличение уважения к горцам. В результате чего сформировалось одно из самых уникальных явлений в российской армии — массовое заимствование материальных и мировоззренческих основ горского общества.

Примечания:

1. См.: Кавказская война: истоки и начало 1770-1820 годы: сборник / сост. Я.А. Гордин, Б.П. Миловидов. СПб., 2002.
2. Салчинкина А.Р. Кавказская война 1817-1864 гг. и психология комбатанства: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Краснодар, 2005. С. 17.
3. Рукевич А.Ф. Из воспоминаний старого эриванца // Исторический вестник. 1914. №12. С. 778.
4. Майор спутал чеченские слова «гаур», значащее «собака» и татарское «гяур» — неверующий в Бога (неверный, язычник, идолопоклонник)
5. Берже А.П. Командиры Кавказской армии в их приказах. 1804-1828 // Русская старина. 1886. №5. С. 381-382.
6. См.: Мемуары генерала Муса-паши Кундухова // Звезда. 2001. №8. С. 100-123.
7. Ольшевский М. Кавказ с 1841 по 1866 год. СПб., 2003. С. 63.
8. Филипсон Г.И. Воспоминания. 1837-1847 // Осада Кавказа: Воспоминания участников кавказской войны XIX в. СПб., 2000. С. 81.
9. Гомборский. Воспоминания о Верхне-Абадзехском отряде с 1 сентября 1861 по март 1862 г. // Военный сборник. 1867. №9. С. 125.
10. Розен А.Е. Записки декабриста. Иркутск, 1984. С. 391.
11. Чертков А.А. Александр Александрович Баженов. Из Кавказских воспоминаний А.А. Черткова // Русский архив. 1881. №3-4. С. 212.
12. Берже А.П. Указ. соч. С. 372.

-
13. Жизнь А.С. Пшишевича, им самим описанная // Кавказская война: истоки и начало. 1770-1820 годы. СПб., 2002. С. 152.
 14. Ольшевский М. Указ. соч. С. 65.
 15. Бестужев-Марлинский А.А. Письма // Трудные годы: Декабристы на Кавказе / сост. В.А. Михельсон. Краснодар, 1985. С. 132.
 16. Ракович Д.В. Тенгинский полк на Кавказе. 1819-1846. Правый фланг, Персия, Черноморская береговая линия. Тифлис, 1900. С. 167.
 17. Например: Атарщикова Г. Заметки старого кавказца. О боевой и административной деятельности на Кавказе генерал-лейтенанта барона Григория Христофоровича Засса // Военный сборник. 1870. №8. С. 321.
 18. Бенкендорф К.К. Воспоминания. 1845 // Осада Кавказа. Воспоминания участников Кавказской войны XIX века. СПб., 2000. С. 371.
 19. Дегоев В.В. Пасынки славы: человек с оружием в буднях Кавказской войны // Дегоев В.В. Большая игра на Кавказе: история и современность. М., 2001. С. 229.
 20. Скарятин В. Рассказ старого кавказца // Журнал для чтения воспитанникам военно-учебных заведений. 1846. Т. 63, №249. С. 3-32; Толстой Л.Н. Собрание сочинения: в 12 т. Т. 1. М.: Правда, 1987. С. 282.
 21. Полторацкий В.А. Воспоминания // Исторический вестник. 1893.
 22. Бенкендорф К.К. Указ. соч. С. 366-367.

References:

1. See: The Caucasian war: the sources and the beginning. 1770-1820s: collection / comp. by Ya.A. Gordin, B.P. Milovidov. SPb., 2002.
2. Salchinkina A.R. The Caucasian war of 1817-1864 and the psychology of combatants: Dissertation abstract for the Candidate of History degree, 2005. P. 17.
3. Rukevich A.F. From recollections of an old Erevan dweller // Historical bulletin. 1914. №12. P. 778.
4. The major has confused the Chechen word «gaur», meaning a «dog» and the Tatar word «gyaur» meaning «a nonbeliever» (an infidel, a pagan, an idolater).
5. Berzhe A.P. The Commanders of the Caucasian army in their orders. 1804-1828 // Russian old times. 1886. №5. P. 381-382.
6. See: The memoirs of the general Musa-pasha Kundukhov // Zvezda. 2001. №8. P. 100-123.
7. Olshevsky M. The Caucasus from 1841 till 1866. SPb., 2003. P. 63.
8. Filipson G. I. The memoirs. 1837-1847 // The Siege of the Caucasus: The memoirs of the participants of the Caucasian war of the XIX century. SPb., 2000. P. 81.
9. Gomborsky. The memoirs on Verhne-Abadzekhsky detachment from September, 1, 1861 till March, 1862 // Military collection. 1867. №9. p. 125.
10. Rozen A.E. The notes of the Decembrist. Irkutsk, 1984. P. 391.
11. Chertkov A.A. Alexander Alexandrovich Bazhenov. From A.A. Tchertkov's Caucasian memoirs // Russian archives. 1881. №3-4. P. 212.
12. Berzhe A.P. Mentioned work. P. 372.
13. A.S. Pshishevich's life, as described by him // The Caucasian war: sources and the beginning. 1770-1820. SPb., 2002. P. 152.
14. Olshevsky M. Mentioned work. P. 65.
15. Bestuzhev-Marlinsky A.A. Letters // Difficult years: Decembrists in the Caucasus / comp. by V.A. Mikhelson. Krasnodar, 1985. P. 132.
16. Rakovich D.V. Tenginsky regiment in the Caucasus. 1819-1846. The right flank, Persia, the Black Sea coastline. Tiflis, 1900. P. 167.
17. For example: Atarshchikov G. The notes of an old Caucasian. On military and administrative activity in the Caucasus of the lieutenant-general baron Grigory Khristoforovich Zass // Military collection. 1870. №8. P. 321.
18. Benkendorf K.K. Memoirs. 1845 // The siege of the Caucasus. The memoirs of the participants of the Caucasian war of the XIX-th century. SPb., 2000. P. 371.
19. Degoev V.V. The stepsons of glory: a man with a rifle in everyday life of the Caucasian war // Degoev V.V. A big game in the Caucasus: history and the present. М., 2001. P. 229.
20. Skaryatin V. The story of an old Caucasian // Magazine for reading for pupils of military training schools. 1846. V. 63, №249. P. 3-32; Tolstoy L.N. Collection of works: in 12 vols. V. 1. М.: Pravda, 1987. P. 282.
21. Poltoratsky V.A. Memoirs // Historical bulletin. 1893.
22. Benkendorf K.K. Mentioned work. P. 366-367.